

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Спасо-Лютер. ул.,
въ д. соборн. прич.

№

43.

ОКТ. 24

1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ Иркутской Духовной Консисторіи.—Распоряженія епархіальнаго начальства.—Выраженіе благодарности.

ОТЪ ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

Согласно журнальному опредѣленію, на 29-е сентября с. г. состоявшемуся, вслѣдствіе отношенія его превосходительства, г. Иркутскаго Губернатора, отъ 25 августа с. г. за № 7002, — Духовная Консисторія проситъ духовенство Иркутской губерніи, чтобы доставляемыя за каждое полугодіе въ оспенные Комитеты вѣдомости о числѣ родившихся дѣтей, доставлять, на будущее время, причтами Иркутской губерніи не въ Иркутскій Губернскій оспенный Комитетъ, а непосредственно въ тѣ окружные оспенные комитеты, въ районѣ которыхъ находятся церкви.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Псаломщикъ Верхне-Булайской Преображенской церкви Григорій Преловскій, согласно прошенію, резолюціей преосвященнаго Агаѳангела, епископа Киренскаго, отъ 28 сентября с. г., по болѣзни уволенъ заштатъ, къ временному исправленію должности псаломщика при Верхне-Булайской церкви, по резолюціи того-же преосвященнаго отъ 28 сентября с. г., допущенъ бывшій псаломщикъ Бѣльской Срѣтенской церкви Николай Корелинъ.

Окончившій курсъ воспитанникъ Иркутской Духовной Семинаріи Василій Вавиловъ, по рукоположеніи высокопреосвященнѣйшимъ Тихономъ, архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ 11 сентября с. г. во діакона, а 13 того же мѣсяца во священника, назначенъ къ Барлуцкой Успенской церкви.

ВЫРАЖЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ.

Объявляется благодарность епархіяльнаго начальства за сдѣланныя пожертвованія къ церквамъ, а именно: г. начальнику Верхнеудинскаго округа надворному совѣтнику Михаилу Фалузину— во вновь строящуюся церковь въ Курузулайскомъ поселкѣ приписую къ Ононъ-Борзинской Иннокентіевской, богослужебныхъ книгъ на сто рублей и г. управляющему Урюмскими золотыми промыслами коллежскому регистратору Михаилу Нестерову— въ Алгачанскую Спаскую церковь, приписую къ Манкечурской Крестовоздвиженской полное священническое облаченіе изъ серебрянаго бархата стоимостью въ сто рублей.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Октяб. 24 № 43. 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ и Алексѣи Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи.—Епархіальная хроника.—Изъявленія благодарности.

Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ и Алексѣи Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи.

(Изъ исторіи Казанской Духовной Академіи профессора П. В. Знаменскаго).

А. А. Бобровниковъ*) былъ сибирскій уроженецъ (род. 1822 г.) сынъ иркутскаго протоіерея А. Бобровникова, извѣстнаго составителя первой Монгольской Грамматики (1835 г.), переводчика на монгольскій языкъ разныхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и дѣятельнаго сотрудника въ бурятской миссіи Иркутскаго епископа Михаила Бурдукова. Въ Казанскую

*) Кромѣ дѣлъ академ. архива, свидѣнія о Бобровниковѣ почерпнуты нами: 1) Изъ воспоминаній объ немъ Н. И. Ильминскаго въ Уч. Запискахъ каз. универ. 1865 г. № 5, стр. 417; 2) Некролога его же въ Прав. Обзор. 1865 г. № 5, стр. 40; 3) Воспоминанія М. Загоскина въ Сибирск. Вѣстникѣ 1865 г. №№ 42 и 43, и 4) изъ рассказовъ объ немъ его современниковъ и сослуживцевъ по академіи.

академію онъ поступилъ изъ Иркутской семинаріи и былъ однимъ изъ выдающихся студентовъ по своимъ талантамъ, хотя и числился по спискамъ довольно низко, у монашествующихъ наставниковъ даже во II разрядѣ. Умъ Бобровникова отличался сильной логикой, ясностью, положительностью и вмѣстѣ художественнымъ направленіемъ и яснымъ преобладаніемъ самодѣятельности надъ воспримчивостью. Онъ склоненъ былъ къ изученію болѣе теоретическихъ наукъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стояла строгая логика, чѣмъ наукъ фактическихъ. Послѣ монголовѣдѣнія, — его специальнаго предмета, онъ болѣе всѣхъ наукъ изучалъ философію и увлекавшую его своею послѣдовательностью математику, которыя давались ему легко, съ помощію только лекцій, прослушанныхъ въ аудиторіи; по богословію, при тогдашнемъ риторическо-фантастическомъ направленіи его преподаванія, не любилъ и колко подсмѣивался надъ богословскими лекціями проф. Серафима и Фотія. Въ академіи долго сохранялось преданіе о томъ, какъ онъ пародировалъ лекціи этихъ богослововъ во время классныхъ перемѣнъ, читая студентамъ уморительную серьезный курсъ пузыристики, въ которомъ съ обычными научными приѣмами излагалъ предметъ, методъ, важность этой фантастической науки, отношеніе ея къ другимъ наукамъ и къ жизни, затѣмъ классификацію разнообразныхъ пузырей и т. д. Изученія языковъ онъ совсѣмъ не любилъ и ни одного изъ нихъ не зналъ, кромѣ кое-какъ латинскаго, котораго тогда почти не возможно было не знать, да чуть-чуть французскаго. Мсвгольскій языкъ былъ почти его

природный и достигнуть его спеціальнаго знанія ему было не трудно. Послѣ уже бакалавромъ, занявшись восполненіемъ своего образованія, онъ не разъ жаловался на то, какъ ему трудно усвоить что нибудь фактическое, какъ въ его головѣ при чтеніи сей-часъ же начинается процессъ самодѣятельности по поволу изучаемыхъ фактовъ и послѣдніе сей-часъ же уходятъ на задній планъ, давая мѣсто мысли и обобщенію. Опъ такъ и не пріобрѣлъ нужной эрудиціи и навсегда остался только сильнымъ, но недоучившимся умомъ-самородкомъ. Во время его ученія въ академіи его считали лѣнливымъ студентомъ, хотя онъ упорно работалъ по излюбленному своему монголовѣднію. Въ старшемъ богословскомъ отдѣленіи послѣ рождественскихъ экзаменовъ 1844 года онъ подвергся даже формальному выговору правленія за неуспѣшность по нѣсколькимъ наукамъ*). За него горой стояли только проф. Гусевъ, считавшій его украшеніемъ своей математической аудиторіи, студентомъ „съ отнѣнными способностями“, и профессоръ философіи Смирновъ-Платоновъ, которому онъ писалъ прекрасныя философскія сочиненія. Одна его диссертация по философіи объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія издана въ приложеніи къ статьѣ объ немъ М. Загоскина въ Сибирскомъ Вѣстникѣ и можетъ служить образчикомъ замѣчательной философской мысли у автора-студента. Потомъ на послѣднемъ году курса всталъ за него еще ректоръ Григорій, намѣтившій его въ бакалавры по монголовѣд-

*) Журн. правл 23 февр. 1845 г.

нію и отечески заботившійся о подготовкѣ его къ предназначенной каедрѣ.

Не мало кое-чего имѣла противъ него и тогдашняя инспекція. По воспоминаніямъ объ немъ его товарищей, это былъ человѣкъ съ благороднѣйшимъ характеромъ, честный и откровенный товарищъ, и въ тоже время великій комикъ, тонкій и наблюдательный юмористъ, веселый рассказчикъ, выдумщикъ всякихъ студенческихъ проказъ, душа всего курса. За свою студенческую живость ему пришлось поплатиться даже своимъ собственнымъ здоровьемъ. Гордясь сибирскимъ закаломъ своей дѣйствительно крѣпкой натуры, онъ однажды, лѣтомъ 1844 г., когда академія была еще въ Спасскомъ монастырѣ, къ увеселенію студентовъ, задалъ въ одномъ бѣльѣ и съ босыми ногами какую-то диковинную выпляску въ садикѣ противъ оконъ студенческаго корпуса во время сильнаго и холоднаго дождя и послѣ этого упрямо отказался даже переѣхать на себѣ мокрое бѣлье. Получивъ сильный ревматизмъ въ ногахъ, онъ потомъ долженъ былъ живмя-жить въ академической больницѣ и въ университетской клиникѣ. Будучи отличнымъ рассказчикомъ и юмористомъ, онъ часто потѣшалъ студенческую компанію разными выходками даже на свой собственный счетъ. Инспекціи конечно извѣстны были и его проказы, и его выходки въ родѣ чтенія пузыристикъ. Одно время, послѣ крупной ссоры его съ братомъ инспектора Серафима, студ. Д. Аретинскимъ въ 1843 г., его положеніе въ академіи сдѣлалось до того шаткимъ, что онъ сталъ подумывать о переходѣ въ университетъ. Инспекція относительно

него принимала въ расчетъ даже такія свѣдѣнія, какъ напр. донесенія о видѣннн одного служителя Ѡ. Гуляева (извѣстнаго у студентовъ подъ именемъ Ѡедьки Косаго), который однажды, распарившись въ банѣ, видѣлъ, какъ сама нечистая сила съ трескомъ свалилась съ потолка бани на полъ, потомъ обратилась въ студ. Бобровникова, потомъ провалилась сквозь землю. Цѣлыхъ три года Бобровниковъ не аттестовался въ кондуитныхъ спискахъ съ хорошей стороны, и только въ послѣдней годъ инспекторъ раза два оцѣнилъ его труды по должности канонарха академической церкви, отличивъ его „за любовь къ молитвѣ“, да еще „за ласковость и обязательность въ обращенн къ другимъ“. Но ему все-таки едва ли бы пришлось кончить курсъ въ первомъ разрядѣ, если бы за него не всталъ на послѣдней конференціи, бывшей при ревизорѣ епископъ Аѳанасіи, самъ ректоръ Григорій и не отстоялъ его, какъ человека нужнаго для кафедры монгольскаго языка, и если бы, — можно пожалуй прибавить, — инсп. Серафимъ не былъ въ это время въ отлучкѣ изъ Казани, будучи назначенъ на ревизію Нижегородской и Пензенской Семинарій.

Монгольскій языкъ былъ для Бобровникова почти природнымъ. Отецъ его, извѣстный авторъ монгольской грамматики и давнишній миссіонеръ среди бурятъ, свободно говорилъ по-бурятски, а мать была едва ли не природная бурятка, по крайней мѣрѣ, съ родными своими постоянно говорила по-бурятски. Кроме того, домъ его отца въ Иркутскѣ былъ постояннымъ даровымъ пристанищемъ для прїѣзжихъ бурятъ, и между ними на ночлегѣ въ бабушкиной кухнѣ мож-

но было вдоволь наслушаться монгольскихъ пѣсенъ и сказокъ. Еще до академіи А. А. Бобровниковъ былъ довольно знакомъ и съ буддѣйскимъ вѣроученіемъ. Рассказываютъ, что профессоръ философіи Смирновъ-Платоновъ, послѣ прочтенія одного его сочиненія, сочелъ его великимъ знатокомъ тогда еще мало знакомой въ духовныхъ заведеніяхъ философіи Гегеля, и былъ очень удивленъ, узнавъ отъ самого автора, что онъ не знаетъ ни Гегеля, ни даже нѣмецкаго языка; дѣло объяснилось тѣмъ, что юный философъ сошелся съ великимъ мыслителемъ Германіи на почвѣ буддѣйской философіи. Въ академіи онъ занимался монгольскимъ языкомъ еще раньше введенія его преподаванія въ академическій курсъ. Въ октябрѣ 1843 г. онъ подалъ въ правленіе прошеніе, чтобы для этихъ занятій ему купили монгольскую грамматику, хрестоматію Ковалевскаго и лексиконъ Шмидта. На журналѣ о покупкѣ этихъ книгъ изъ университета преосвященный Владиміръ написалъ: „Я бы думалъ, не полезнѣе ли будетъ, если можно, сему студенту ходить и на лекціи по сему языку въ университетъ“. По полученіи дозволенія на то отъ университета, съ зимы того же года Бобровниковъ сталъ постоянно ходить въ университетъ на лекціи проф. Ковалевскаго*) Кромѣ слушанія лекцій, онъ добывалъ въ университетѣ у проф. Ковалевскаго монгольскія книги. Самъ преосвященный Владиміръ интересовался его успѣхами въ монгольскомъ языкѣ и, не смотря на свое незнаніе этого языка, на полукурсо-

*) Д. внутр. правл. 1843 г. № 13. Не повторяемъ здѣсь въ цитатахъ указанныхъ уже выше источниковъ біографіи А. А. Бобровникова.

вомъ экзаменѣ 1843 г. нашель средство провѣрить его успѣхи. Для этого онъ воспользовался присутствіемъ тогда въ академіи извѣстнаго китайскаго миссіонера, архим. Даніила; задавая при немъ Бобровникову переводить на монгольскій языкъ разныя русскія слова, между прочимъ спросилъ, какъ будетъ по-монгольски „печка“; Бобровниковъ смолчалъ и владыка принялъ это молчаніе за лучшее доказательство добросовѣстности его прежнихъ отвѣтовъ, чѣмъ даже подтвержденіе ихъ вѣрности о. Даніиломъ, потому что у монголовъ печекъ нѣтъ, не должно поэтому быть и названія печки.

Послѣ официальнаго открытія кафедръ языковъ, студентъ Бобровниковъ засѣлъ за изученіе монгольскаго и калмыцкаго языковъ вплотную. Кромѣ академическихъ лекцій профессора Попова, онъ продолжалъ посѣщать и университетскія лекціи по исторіи и литературѣ монголовъ. Съ монгольскими книгами онъ не разставался даже въ аудиторіи на лекціяхъ по другимъ предметамъ; засунетъ книгу въ парту и тихонько ее читаетъ. Профессоры иногда жаловались на него ректору; ректоръ Григорій принималъ конечно сторону профессоровъ, по обычаю грозно распекать невнимательнаго студента, но замѣтно щадилъ его и многое спускалъ ему съ рукъ. Однажды профессоръ Фотій пожаловался, что Бобровниковъ спалъ на его лекціи. Ректоръ виновнаго призвалъ къ себѣ и началъ было грозный допросъ: „вы спали на лекціи о. Фотія?“ — Спалъ, В. Высокопреподобіе, — отвѣчалъ Бобровниковъ съ такимъ комическимъ добродушіемъ, что вся суро-

вость грознаго начальника исчезла предъ ясностью факта; онъ улыбнулся, махнулъ рукой и поспѣшилъ поскорѣе удалиться. Ректоръ Григорій вообще относился къ Бобровникову очень внимательно, давалъ ему средства заниматься его спеціальностью, заботился объ его здоровьѣ, весной 1845 года выпросилъ для него съ нѣсколькими больными его товарищами дозволеніе у преосвященнаго Владиміра жить въ загородномъ архіерейскомъ домѣ на дачѣ и во время одного посѣщенія здѣсь студентовъ согласился пораньше дать Бобровникову тему для карсоваго сочиненія по буддизму, принявъ во вниманіе трудность и новостъ предмета. Тема была широкая, обнимала разборъ всего буддійскаго ученія. Бобровниковъ работалъ надъ нею до конца курса, вставая въ 4 часа утра и не покладая рукъ до поздняго вечера. Нужно было прочесть массу книгъ, разобраться въ крайне фантастической терминологіи буддійской философіи и формулировать эту философію въ научной формѣ, — все это была работа совершенно новая и для молодаго студента непосильная. Написавъ до 200 страницъ, Бобровниковъ не дошелъ даже до половины ея, и началъ харкать кровью. Уже докторъ академіи Н. А. Скандовскій заставилъ ретиваго труженника нѣсколько съюзить тему. Это было уже передъ великимъ постомъ 1846 года. Въ виду краткости времени до конца курса, Бобровниковъ рѣшился ограничиться только изслѣдованіемъ одной части буддійской морали: „О различіи между христіанскимъ и буддійскимъ ученіемъ о любви къ ближнимъ“, и въ теченіе великаго поста кончилъ свою работу. Обширныя извлеченія изъ перво-

начальной редакціи его сочиненія, которымъ онъ пользовался потомъ на своихъ лекціяхъ студентамъ, изданы въ статьѣ объ немъ Н. И. Ильминскаго*). Благодаря только содѣйствию ректора Григорія, онъ, какъ было упомянуто, попалъ и на свою академическую кафедру.

Какъ высоко цѣнили ректоръ его знанія и талантливость, видно изъ того, что онъ почелъ возможнымъ, еще до окончанія курса, дать ему весьма трудное учебное порученіе. Для преподаванія монгольскаго и калмыцкаго языковъ въ семинаріяхъ и въ самой академіи необходимы были руководства. По монгольскому языку такія руководства были, по калмыцкому же нѣтъ. Съ предложеніемъ помочь этому недостатку ректоръ первоначально обратился было къ профессору Попову, который давно уже занимался собираніемъ матеріаловъ для калмыцкой грамматики; но условія, какія предложилъ профессоръ относительно вознагражденія за свой трудъ, оказались слишкомъ тяжелыми. Послѣ этого ректоръ, ничтоже сумняся, обратился съ своимъ предложеніемъ прямо къ студенту Бобровникову. Бобровниковъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился, но для предварительнаго болѣе близкаго знакомства съ калмыцкимъ языкомъ выпросилъ себѣ учебную командировку въ калмыцкія степи. Къ окончанію его курса отъ оберъ-прокурора Св. Синода получено было уже и самое разрѣшеніе (отъ 20 іюня 1846 г.) какъ на составленіе имъ калмыцкой грамматики, такъ и на командировку въ степи срокомъ на три мѣсяца, съ выдачей на проѣздъ и на содержаніе 130 рублей изъ экономическихъ суммъ ака-

*) Учен. Зап. казанск. унверс. 1865 г. 1, стр. 125—135.

деміи. Правленіе, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія относительно этой командировки, обязало его своею инструкціею, чтобы онъ, 1) сколько можно, глубже изучилъ калмыцкій языкъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ, въ возможной полнотѣ выяснилъ сходство и различіе между книжнымъ, ученымъ калмыцкимъ языкомъ и живымъ, разговорнымъ, и между языками калмыцкимъ и монгольскимъ; 2) возможно обстоятельнѣе изучилъ буддійское исповѣданіе калмыковъ въ его догматахъ и обрядахъ; наконецъ 3) приобрѣлъ возможно полное понятіе объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, ихъ нравственномъ, домашнемъ и общежительномъ состояніи. Для удобнѣйшаго выполненія этихъ задачъ, по мысли профессора Попова, инструкціей указаны были самые пункты, гдѣ онъ долженъ болѣе останавливаться, — хуруль Хотоутовскаго улуса кн. Тименева близъ Астрахани и ставка кн. Тундутова, владѣльца Мало-дербетевскаго улуса въ 70 верстахъ отъ Сарепты. Все время пребыванія въ степяхъ онъ долженъ былъ вести ученый дневникъ, а по возвращеніи представить отчетъ о своихъ занятіяхъ и расходахъ. Правленіе съ своей стороны ввѣрило его покровительству предъ мѣстными свѣтскими властями астраханскаго преосвященнаго (Евгенія*).

12 іюля Бобровниковъ отправился въ свой путь. При тогдашнихъ плохихъ средствахъ передвиженія путь этотъ былъ очень не легокъ. Поездка его продолжалась три мѣсяца, и изъ этого количества времени

*) Д. внутрен. правл. 1846 г. № 31; здѣсь помѣщены всѣ приводимыя далѣе свѣдѣнія, а также и самый отчетъ Бобровникова о поездкѣ въ степи.

на одну ѣзду онъ долженъ употребить цѣлыхъ 36 дней. Часть остальнаго времени онъ провелъ въ Парижѣ и Астрахани и 33 дня въ степяхъ у калмыковъ. Въ теченіе такого короткаго времени онъ успѣлъ надѣлать столько дѣла, сколько могъ сдѣлать только самый неутомимый и талантливый человѣкъ. 20 декабря имъ уже представленъ былъ и самый отчетъ о поѣздкѣ, въ которомъ, кромѣ описанія изо дня въ день своихъ занятій, онъ нарисовалъ яркую картину религіознаго состоянія калмыковъ, ихъ буддѣйско-шаманскихъ вѣрованій, богослужебныхъ обрядовъ, суевѣрій и устройства іерархіи, потомъ въ сильныхъ и мѣткихъ чертахъ выяснилъ причины слабости между ними христіанской мисси, крившіяся въ ихъ религіозномъ индифферентизмѣ, сильной привязанности къ своей народности и кочевому быту, въ упорномъ противодѣйствіи христіанству со стороны ихъ зайсанговъ и гелюновъ, въ совершенномъ незнаніи ихъ языка въ средѣ православнаго духовенства, въ неимѣніи переводовъ на этотъ языкъ христіанскихъ книгъ, въ неспособности самаго языка къ выраженію отвлеченныхъ предметовъ, и наконецъ вкратцѣ выяснилъ филологическія особенности калмыцкаго языка сравнительно съ особенностями языка монгольскаго *).

Этотъ мастерски составленный отчетъ привелъ академическое правленіе въ такой восторгъ, что секретарь конференціи профессоръ Гусевъ, читая на актѣ 8 ноября 1847 г. обычный отчетъ о состояніи академіи за минувшій учебный годъ, почти половину своего чтенія

* Отчетъ этотъ почти весь изданъ Н. И. Ильминскимъ въ Правосл. Обзор. 1865 г.

занялъ извлеченіями болѣе занимательныхъ мѣстъ изъ рукописи Бобровникова. Академія видимо гордилась своимъ ученымъ питомцемъ и старалась выставить его трудъ передъ публикой. Ничтожныхъ средствъ, данныхъ Бобровникову на поѣздки, не достало. При всей своей экономіи, онъ долженъ былъ занять въ Астрахани 50 рублей изъ семинарскихъ суммъ. Правленіе академіи приняло этотъ долъ на себя и на покрытіе его исходатайствовало у Св. Синода прибавочную ассигновку къ прежнимъ 130 рублямъ. Такимъ образомъ вся трехмѣсячная ученая командировка Бобровникова обошлась всего въ 180 рублей.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Е П А Р Х І А Л Ъ Н А Я Х Р О Н И К А .

Въ Пятницу, 16 Октября въ 4^{1/2} ч. вечера, высокопреосвященнѣйшій Тихонъ благополучно возвратился изъ обозрѣнія церквей Иркутскаго и Балаганскаго округовъ.

Въ Субботу 17 Октября, по случаю воспоминанія чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшимъ семействомъ при крушеніи Царскаго поѣзда на Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ, Божественную Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ и послѣ оной благодарственный молебенъ совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ совместно съ преосвященнѣйшимъ Агаангеломъ, въ сослуженіи о. ректора Семинаріи и градскаго духовенства. На молебнѣ присутствовали г. губернаторъ, временно командующій войсками округа, военные и гражданскіе чины, представители городского управленія и много молящагося народа. При чемъ отъ мѣстнаго баталіона былъ церковный парадъ.

Въ Воскресенье 18 Октября Божественную Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ, совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ въ сослуженіи мѣстнаго причта.

Въ Четвергъ 22 Октября. По случаю храмоваго праздника въ Каѳедральномъ Соборѣ, на канунѣ 22 ч. Октября вечеромъ Всенощное бдѣніе съ Акаѳистомъ Божіей Матери, а въ самый день 22 ч. Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ совершалъ его высокопреосвященство въ сослуженіи ректора Семинаріи и мѣстнаго причта. Проповѣдь говорилъ ключарь собора священникъ Милій Чефрановъ.

ИЗЪЯВЛЕНІЯ БЛАГОДАРНОСТИ.

Причтъ Тыргетеуской Михаило-Архангельской церкви изъявляетъ искреннюю благодарность: Читинскому мѣщанину Федору Димитріеву Черкасову за пожертвованный имъ колоколъ въ Бальзинскую Николаевскую церковь, вѣсомъ 5 пуд. 1 фун.; крестьянину Бальзинскаго селенія Василию Евфимову Перунову за пожертвованное имъ напрестольное св. евангеліе, стоящее 70 рублей серебромъ, въ ту же церковь; старостѣ Благовѣщенской, Семинарской Іоанно-Богословской, церкви Николаю Адамовичу Михеевичъ, за пожертвованные имъ два мѣстныхъ подсвѣчника, въ Дарасунскую Покровскую церковь и крестьянину Тыргетеускаго селенія Ивану Кононову Петрову за пожертвованное имъ въ Тыргетеускую Михаило-Архангельскую церковь одноярусное паникадило въ 50 рублей.

О всѣхъ сихъ жертвователяхъ причтъ считаетъ священнымъ долгомъ возносить молитвы предъ престоломъ Всевышняго.

Причтъ Петропавловской Спасской церкви, Киренекаго округа, приносятъ глубокую благодарность за пожертвованія

нижеслѣдующимъ лицамъ: 1) крестьянину Березовскаго селенія Михаилу Григорьеву Березовскому, за пожертвованныя поровну съ крестьяниномъ того-же селенія Θεодоромъ Березовскимъ на ремонтъ половъ въ Петропавловской Спасской церкви — 200 рублей; 2) Θεодору Варламіеву Березовскому за приобрѣтеніе полнаго бархатнаго священническаго облаченія стоимостью — 164 рубля; 3) крестьянамъ Банщиковаго селенія Чечуйскаго прихода, братьямъ Василию и Митрофану Димитріевымъ, за окраску половъ въ вышеозначенной церкви стоимостью свыше — 100 рублей; 4) крестьянину Берешловской деревни Михаилу Θεокину Горбунову, за шелковое на-престольное облаченіе стоимостью — 26 рублей и 5) Иркутскому мѣщанину временно 2-й гильдіи купцу Θεодору Иванову Пономареву, проживающему въ селѣ Усольѣ, за пожертвованныя на строящуюся въ Ильинской деревнѣ приписную церковь — 200 рублей.

За такковыя пожертвованія причтъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ молиться о здравіи жертвователей и о упокоеніи ихъ присныхъ.

Редакторъ, Каѳедраальный Протоіерей **Анастасій Виноградовъ**

Печатать дозволяется: Цензоръ, ректоръ Иркутской Духовной Семінаріи
Архимандритъ **Никодимъ**. 23 Октября 1892 г.

Иркутскъ, 1892 г. Тапографія **А. А. Сизыхъ**, Больш. ул., д. Милевскаго.